

(ум. в 1389 г.). Во всяком случае она уже вошла в Новгородский свод 1448 г.»⁸

Мы полагаем, что датировка, отодвигающая время составления «Слова» чуть ли не к половине XV в., весьма сомнительна и требует проверки. Начнем с третьего довода.

Можно ли считать, что любезные слова Дмитрия Донского, обращенные к его боярам, являются отголоском притязаний старой феодальной знати в междоусобной борьбе 1432—1453 гг.? По своей форме эта междоусобица была последней борьбой в пределах княжеского рода, в данном случае московской великокняжеской семьи, борьбой между дядей и племянником (затем между двоюродными братьями) за великокняжеский престол. По старым нормам княжого права Киевской Руси престол должен был переходить к старшему в роде, в частности к дяде предпочтительно перед племянником; поэтому Юрий Дмитриевич оспаривал престол у своего племянника Василия II Васильевича. Но уже в Киевской Руси можно видеть, как римско-византийское начало первородства проникает в сознание великих князей и они стараются передать престол первородному сыну, а не брату или иному старейшему родичу. Так, уже Изяслав I хочет с благословения папы назначить в 1075 г. наследником «Русского королевства (*regnum Ruscorum*)» своего сына Петра-Ярополка. Владимиру Мономаху наследует его старший сын Мстислав I, а по смерти Андрея Боголюбского ростовцы и суздальцы призывают на великокняжеский престол первородных внуков Юрия Долгорукого, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, в ущерб младшим сыновьям Юрия и т. п. Борьба между началами сениората и примогенитуры продолжалась и позже, пока в Москве не победило второе при содействии митрополитов и широких масс населения. Попытка Юрия Дмитриевича отнять престол у своего племянника была основана на отжившем свой век праве сениората, а долгая борьба его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки за тот же престол была просто проявлением своеволия удельных князей, не основаным ни на каком формальном праве.

Что касается социально-политического содержания этой борьбы, то она представляла собой столкновение удельного князя, стремившегося сохранить порядки феодальной раздробленности, с великокняжеской властью, олицетворявшей новый политический порядок складывающегося Русского централизованного государства. Позиция московского боярства в этой борьбе не была однородной: верхушка его примкнула к удельно-княжескому блоку, но часть служилого боярства вместе с посадом и дворянством поддерживала великого князя Василия II. При такой расстановке социальных сил идеология «Слова о житии» Дмитрия Донского не может рассматриваться как выражение феодальных притязаний боярства в усобице 1432—1453 гг.

Между тем она вполне соответствует реальной обстановке всего княжения Дмитрия Донского. Вспомним, что он вступил на престол девятилетним мальчиком, нуждавшимся в поддержке и совете. Конечно, внешней и внутренней политикой ведала боярская дума, при деятельной поддержке митрополита Алексея. Именно эти силы добились в 1361 г. того, что ярлык на великое княжение был отнят от Дмитрия Константиновича Суздальского и возвращен одиннадцатилетнему Дмитрию; затем в январе 1366 г. они сумели женить шестнадцатилетнего Дмитрия на дочери его суздальского соперника, Евдокии Дмитриевне, и закрепить подчинение суздаль-

⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, изд. 6. М., 1955, стр. 179. — Отметим, что Н. К. Гудзий поместил «Слово о житии» после «Задонщины» и перед «Словом о житии Стефана Пермского».